DOI: 10.17117/na.2016.02.04.021

<http://ucom.ru/doc/na.2016.02.04.021.pdf>

Поступила (Received): 04.02.2016

Голубева С.Л. От интертекстуальности к интертекстуальным фреймам

Golubeva S.L.
From intertextuality to intertextual frames

Статья рассматривает интертекстуальность как одну из ключевых концепций постмодернизма и трансформацию данного понятия в интертекстуальный фрейм, являющийся признаком «открытого» произведения, что характерно для информационного общества
Ключевые слова: информационное общество, интертекстуальность, интертекстуальный фрейм, постмодернизм

This article discusses the idea of intertextuality as one of the key concepts of postmodernism as well as this notion transformation into an intertextual frame which represents so called “open work” typical for the Information society

Key words: information society, intertextuality, intertextual frame, postmodernism

Голубева Светлана Леонидовна

Старший преподаватель

Санкт-Петербургский государственный институт кино и телевидения

г. Санкт-Петербург, ул. Правды, 13

Golubeva Svetlana Leonidovna

Senior Lecturer

St. Petersburg state institute of film and television

St. Petersburg, Pravdy st., 13

Юлия Кристева,
глубоко переменившая весь горизонт семиологии,
лично мне дала прежде всего новые понятия
параграмматизма и интертекстуальности
Ролан Барт [1, с. 228]

Французский философ, семиолог и лингвист Юлия Кристева (Julia Kristeva) вводит понятие интертекстуальности под воздействием «идеи диалога» русского философа и культуролога М.М. Бахтина: «...открытие, впервые сделанное Бахтиным в области теории литературы: любой текст строится как мозаика цитаций, любой текст – это впитывание и трансформация какого-нибудь другого текста. Тем самым на место понятия *интерсубъективности* встает понятие *интертекстуальности*, и оказывается, что поэтический язык поддается как минимум двойному прочтению» [2, с. 429].

Концепцию интертекстуальности, употребляемую для обозначения текстов, наделённых, благодаря межтекстовым связям, редистрибутивными свойствами и, соответственно, возможностями косвенно или явно друг на друга ссылаться, активно разрабатывали Барт, Деррида и другие представители пост-

структурализма. Так, например, Деррида считал наличие ссылок на другие тексты и внешние смыслы одним из признаков постмодернистского прочтения текста. Барт, анализируя понятие интертекстуальности, пришёл к мнению, что любой текст – есть интертекст: «...текст представляет собой не линейную цепочку слов, выражающих единственный, как бы теологический смысл ("сообщение" Автора-Бога), но многомерное пространство, где сочетаются и спорят друг с другом различные виды письма, ни один из которых не является исходным; текст соткан из цитат, отсылающих к тысячам культурных источников» [3, с. 338].

Такой подход не только обезличивал и «оттеснял» автора, но и делал расплывчатым понятие текста, что позволило Барту распространить интертекстуальность на другие феномены культуры: «...текст сложен из множества разных видов письма, происходящих из различных культур и вступающих друг с другом в отношения диалога, пародии, спора» [3, с. 390].

Таким образом, любой литературный текст является функцией от множества других текстов, образующих его параграмму и, согласно Кристевой, может быть представлен как «система множества связей, которую можно описать, как структуру параграмматических сетей» [4, с. 106]. При построении параграмматических моделей Кристева использует математическую терминологию, в частности, ссылается на теорию графов Денеша Кёнига (Kőnig Denes). Американский профессор физики и математики Алан Сокал (Alan Sokal) и бельгийский профессор теоретической физики Жан Брикмон (Jean Bricmont) подвергли резкой критике постмодернистов за использование математических терминов и теорий в своих научных трудах. Они, в частности, обвинили Кристеву в некомпетентности, утверждая, что она необоснованно ссылается на математические теории из желания придать своим гипотезам статус научной обоснованности и произвести впечатление: «Кристева никак не оправдывает значимость этих математических понятий в областях, которые она собирается исследовать – в лингвистике, литературной критике, политической философии, психоанализе – и причина тому, по нашему мнению, состоит в том, что никакой такой значимости нет» [5, с. 50]. Тем не менее, научные труды Кристевой оказали большое влияние не только на трансформацию структурализма в постструктурализм, но и на формирование философской мысли информационного общества: в качестве примера интересно проследить трансформацию «интертекстуальности» – одной из ключевых концепций постмодернизма. Барт расширил это понятие до общекультурного, показав, что оно свойственно не только литературе, в частности текстам, интертекстуальные связи можно встретить в различных произведениях искусства постмодерна, использующих уже существующие образы, жанры и сцены, например: в киноискусстве – комедийная трилогия «Голый пистолет», скомпонованная из сюжетных цитат «бондианы» и «полицейских» сериалов, которые она пародирует; в живописи – работы Энди Уорхола (Andy Warhol), наиболее яркого представителя направления поп-арт, возникшего как ироничная рефлексия на масскульт; в архитектуре – театр-музей Сальвадора Дали в Фигерасе (общепризнанный символ поп-арта) с его пародиями на раз-

личные стили изобразительного искусства, «Дождливый Кадиллаком» и аллегорической скульптурной группой, посвящённой философу из Каталонии Франсеску Пужольсу (бюст Пужольса, римского патриция, статуя Луллия Раймунда и подобие атома водорода расположены на фоне фигуры в виде ствола оливкового дерева, в позе «Мыслителя» Родена и с позолоченным яйцом вместо головы) как демонстрация сочетания абстрактной метафизики с язвительным юмором; театральные и музыкальные аллюзии – Кармен-сюита как диалог Р. Щедрина и Ж. Бизе.

В информационном обществе термин интертекстуальность не утратил актуальность, например, в изобразительном искусстве сначала, в качестве направления поп-арта, появилась компьютерная графика, которая впоследствии, под воздействием интернет-коммуникаций, трансформировалась в новый вид визуального искусства – нет-арт: «Суть Нет-арта – не репрезентация, а коммуникация, и своеобразной арт-единицей его является электронное послание» [6, с. 187, 188]. Согласно исследованиям Т.Н. Колокольцевой, термин «интертекст» отстаёт по частоте запросов в поисковых системах Яндекс и Гугл от понятия «гипертекст», введённого американским философом и пионером информационных технологий Тедом Нельсоном (Ted Nelson), «интертекстуальность» встречается чаще, чем «гипертекстуальность» в тех же браузерах: все эти категории стали ключевыми понятиями интернет-дискурса [7, с. 31].

В ходе дальнейшего изучения концепции интертекстуальности итальянский философ, специалист по семиотике и теоретик медиакультуры Умберто Эко (Umberto Eco) вводит понятие «интертекстуальный фрейм» для описания нарративных схем стереотипных ситуаций, в отличие от термина «фрейм», который ввёл американский исследователь искусственного интеллекта Марвин Ли Минский (Marvin Lee Minsky) как некую информационную структуру. Согласно Эко, «общие» фреймы «относятся к обычной энциклопедической компетенции читателя», тогда как интертекстуальные фреймы – это специфические коды и субкоды в структуре дискурса, «литературные топосы» [8, с. 43,44], возникающие в сознании читателя и позволяющие строить «догадки-предсказания относительно дальнейшего развития фабулы» [8, с. 358]. В настоящее время интертекстуальные фреймы являются неотъемлемым атрибутом литературоведческого анализа текста и переводческой деятельности: «Интертекстуальная компетенция переводчика определяется богатым набором готовых выражений со знакомыми фреймами и пониманием, какие семы (semes – минимальные значимые единицы языкового плана содержания) заслуживают внимания, а какие следует проигнорировать» [9, с. 121].

Таким образом, если понятие интертекстуальности является атрибутом постмодернистского прочтения текста, то интертекстуальные фреймы, являющиеся признаками «открытого» произведения (по типу рецепции, кодирования и декодирования информации), характерны для информационного общества.

Список используемых источников:

1. Барт Р. *ролан барт о ролане барте*. М.: Ad Marginem / Сталкер, 2002. 289 с.
2. Кристева Ю. *Бахтин, слово, диалог и роман // Французская семиотика: От структурализма к постструктурализму*. М.: ИГ Прогресс, 2000. С. 427-457.

3. Барт Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика. М.: Прогресс, 1989. 616 с.
4. Кристева Ю. Избранные труды: Разрушение поэтики. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2004. 656 с.
5. Сокал А., Брикмон Ж. Интеллектуальные уловки. Критика современной философии постмодерна. М.: Дом интеллектуальной книги. 2002. 248 с.
6. Турлюн Л.Н. Компьютерная графика – искусство постмодернизма // Молодой ученый. Казань, 2010. №12. Т.2. С. 186-189.
7. Колокольцева Т.Н. Интертекстуальность и гипертекстуальность в интернет-коммуникации: к вопросу о соотношении категорий // Грани познания. Волгоград, 2014. №1(28). С. 30-34.
URL: www.grani.vspu.ru
8. Эко У. Открытое произведение: Форма и неопределенность в современной поэтике. Санкт-Петербург: Академический проект, 2004 384 с.
9. Eco U. *Semiotics and the Philosophy of Language*. Bloomington: Indiana University Press, 1996. 243 p.

© 2016, Голубева С.Л.

От интертекстуальности к интертекстуальным
фреймам

© 2016, Golubeva S.L.

From intertextuality to intertextual frames